

МИША БАСТЕР

«НЬЮВЕЙВ»

2015

Хулиганы-80

Миша Бастер

Ньювейв

«Accent Graphics communications»

2015

Бастер М.

Ньювейв / М. Бастер — «Accent Graphics communications»,
2015 — (Хулиганы-80)

Юбилею перестройки в СССР посвящается. Этот уникальный сборник включает более 1000 фотографий из личных архивов участников молодёжных субкультурных движений 1980-х годов. Когда советское общество всерьёз столкнулось с феноменом открытого молодёжного протеста против идеологического и культурного застоя, с одной стороны, и гонениями на «несоветский образ жизни» – с другой. В условиях, когда от зашедшего в тупик и запутавшегося в противоречиях советского социума остались в реальности одни только лозунги, панки, рокеры, ньювейверы и другие тогдашние «маргиналы» сами стали новой идеологией и культурной ориентацией. Их самодеятельное творчество, культурное самовыражение, внешний вид и музыкальные пристрастия вылились в растянувшийся почти на пять лет «праздник непослушания» и публичного неповиновения давлению отмирающей советской идеологии. Давление и гонения на меломанов и модников привели к формированию новой, сложившейся в достаточно жестких условиях, маргинальной коммуникации, опутавшей все социальные этажи многих советских городов уже к концу десятилетия. В настоящем издании представлена первая попытка такого масштабного исследования и попытки артикуляции стилей и направлений этого клубка неформальных взаимоотношений, через хронологически и стилистически выдержанный фотомассив снабженный полифонией мнений из более чем 65-ти экзистенциальных доверительных бесед, состоявшихся в период 2006–2014 года в Москве и Ленинграде.

© Бастер М., 2015
© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Стиляги	7
Рус Зиггель	7
Олег Хак	17
Вета Померанцева	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Миша Бастер НЬЮВЕЙВ

Стиляги

Рус Зиггель

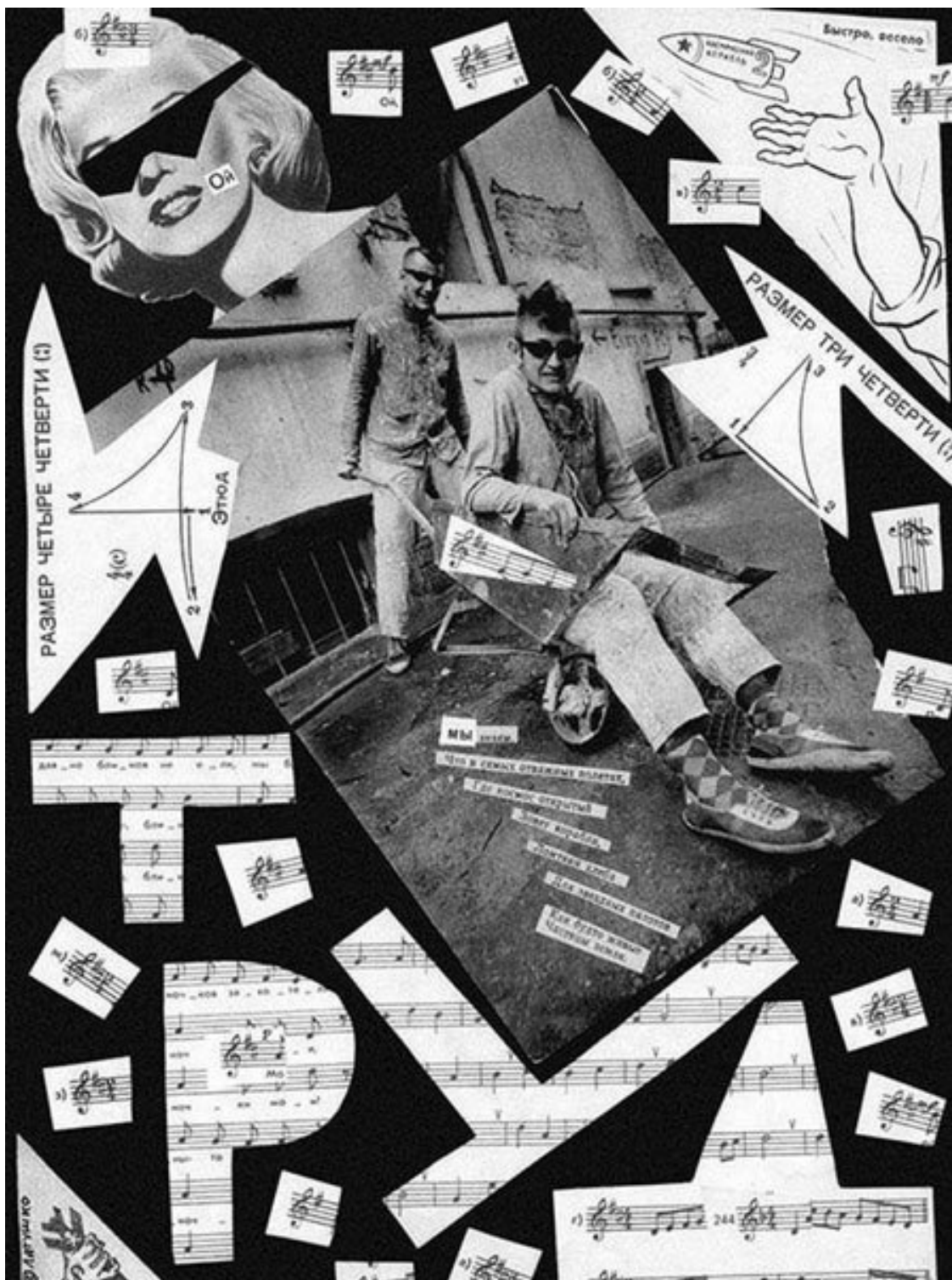

Фото 1. Фэнзин группы "Труд", 1984

Р. 3. Лет с 11–12 я стал посещать книжный базар на Островского. Это был отдельный мир, отдельная коммуникация людей, скрашивающих свой досуг чтением. А, как известно, Ленинград – город достаточно читающий, можно сказать литературный. Но там как раз не было библиофилов, поэтому их называли «книжники». Люди занимались доставкой и сбытом книг, и с этим была связана куча историй. Книги принимались любые, минус двадцать процентов. И на базе этих двадцати процентов сформировалась целая тусовка. Книги имели свою ценность, а для подростков, изымающих эти книги с различных полок, два, к примеру, рубля были немалыми деньгами. По нашим тогдашним подсчетам, на 20 копеек можно было прожить день. Естественно, бесплатно катаясь на транспорте и без увеселений. И многие стремились к обособлению и самостоятельности, имея в виду такие нехитрые схемы пополнения бюджета.

М. Б. У нас были подобные коммуникации в Домах книги и «Букинисте», куда постоянно притекали различные группы спивающихся маргиналов, у которых обмен книжных знаний на жидкое топливо проходил под кодовым названием «букинист». Тем более что мантра «Книга – лучший подарок» действовала безотказно убедительно в советский период (смеются).

Тем более что в систему книжно-макулатурного оборота в советской природе были вовлечены все граждане, начиная с пионерского возраста. В соревновательном порыве усердно стаскивающие с квартир пенсионеров в школы сотни килограмм бумажного мусора, среди которого порой обнаруживались книги приличного качества. Даже те самые из серий которых цветными однотонными блоками выкладывались узоры в книжных шкафах. Иметь которые был обязан любой гражданин, считавший себя образованным.

Р. 3. Да, именно так. Собрания сочинений для неформалов и граждан имели разную ценность. Для маргинала это было почти 15 рублей и две недели безбедного существования. Кстати, про начитанность и образованность в неформальной среде. То, что меня больше всего поразило в тусующем поколении рубежа 80-х, при всем замечательном советском образовании, построенном по прусской системе, так это дикая безграмотность. Я имею в виду, в первую очередь, необразованность, что хотелось бы подчеркнуть для сонмища подростков, думающих о том, что все неформалы-маргиналы в те времена были поголовными интеллектуалами. Это сейчас мы наблюдаем какое-то обозное добирание информационного багажа, и на базе его происходит какой-то литературный ажурный ребрендинг ситуации. А тогда был такой тип людей, вокруг которых образовались центробежные силы и события. У них было достаточно хорошее воспитание и образование, но таких были даже не десятки, а попросту единицы. До 16 лет советские неформалы, на мой взгляд, мало чего читали, мало чего смотрели и в какой-то момент, сталкиваясь со «взрослой жизнью» и какой-то несправедливостью, в их сознании происходил сбой в восприятии окружающей действительности. В результате чего кто-то уходил в работу или в ПТУ, кто-то в алкоголь, наркотики или криминал, а кто-то формировал пресловутые неформальные компании, чем-то напомилавшие семьи беспризорников.

При этом часть подростков, попадая в неформальную среду, пулей оттуда вылетала. Они были не приспособлены даже к этому. Но те, кто оставался, брали на себя функцию потребления меломанской и модной информации. А распространение и коммутирование ложились на плечи наиболее продвинутой части неформальной среды. При этом точки зрения у различных групп были разные, и озвучить их мог только человек с определенным талантом или демагог (смеются).

Как пример может подойти и пресловутый «Сайгон». Была тусовка абсолютных разночинцев, но некоторые персоналии сильно выделялись на общем фоне. И все старожилы как-то пытались использовать ситуацию для своих целей. Был там такой персонаж Колесо, уголовно-фактурного типа, который мыл посуду, убирался. Эдакий прохиндей, который был в центре и в курсе всех событий, чем-то постоянно занимался, даже чего-то писал. Основная его задача, конечно, была криминальная, поставка всякой дури и девушек, но сам он был автори-

тетен и фактурен настолько, что молодняк искренно верил, что покупает у него траву. Хотя он на моих глазах заколачивал в «беломорину» табак. Причем сложившаяся статусная иерархия посетителей выражалась и визуально. В отличие от людей попроще, выпивающих коньячок, на две ступеньки выше тусовался народ выпивающий кофе (смеется).

Преимущественно сайгоновская тусовка состояла из хиппи, которые по несколько часов практически недвижимо выстаивали возле своих чашечек кофе. Панкам такое исполнять было сложно, поэтому они подолгу там не задерживались (смеются).

Их как раз можно было встретить в пельменной на Марата, где помимо всего можно было и выпить. Напротив «Сайгона» находился магазин «Зеркала», причем «алкомаршрут» в этом месте смыкался. С Литейного можно было попасть в винно-водочный отдел, а с Невского в бакалею. И магазины на углу были сообщающимися, а неподалеку находился «Гастрит», где продавалась еда, благодаря которой заведение получило именно такое название. В общем, все сходилось на этом пяточке. А поскольку мелочи к тому времени в карманах трудящихся было немало, то просто настрелять можно было немалые суммы. Не выпрашивать, как это делают сейчас бомжи или «аскающие» хиппи, а просто настрелять у отчасти знакомых лиц. Помню, в магазине на Елисейском продавался коньяк «Камюс», который мы с товарищем решили приобрести для романтического приключения. Коньяк стоил 42 рубля, и для окончательного поражения женской впечатлительности основная сумма у нас уже была. И вот с 9-ти утра настреляли остатки прямо возле входа в заведение, и 84 рубля были торжественно вывалены в виде мелочи на прилавок. Продавщица даже поначалу отказалась эту гору принимать, но нужные слова были найдены, и спектакль состоялся.

Но к чему все это? Наличие концентрированного количества прохиндеев и тунеядцев в одном месте в сжатом виде выдавало подросткам жизненный опыт и возможности, так что детишки стремительно взрослели. А через музыку шло внешнее оформление. Какого плана музыка потреблялась, такой, как сейчас говорят, дресс-код и полагался.

А у меня в 79 году начались годы активного студенчества, битничества и новой информации. При этом стоит, наверное, отметить, что подросток, заточенный под поиск новой информации, к периоду студенчества вырос в диссидента. Я не имею в виду политику. А именно то внутреннее чувство недоверия к государственному фасаду, порожденное выявленными несоответствиями запустелованного и обнаруженного в реалиях. Недоверие, а возможно и внутренние страхи, стали визитной карточкой 70-х (смеются).

Другой вопрос – что он при этом выбирал. Он мог стать несогласным, или, наоборот, активистом-конформистом. А выразить это можно было только пойдя против течения. В первую очередь высвобождая свободное время. Потому что система того периода была нацелена на то, чтобы лишить человека свободного времени по максимуму, а все профессии, не связанные с физическим трудом, были опутаны союзами, комиссиями, негласными правилами и тотально бюрократизированы. Свободное время предполагалось в пожилом возрасте на дачных грядках с лопатой в руках, когда человек уже ни на что не способен влиять. Эдакий рязановский типаж работающего обезличенного обывателя. Родился целый срез людей, работающих сутки через трое на непрестижных профессиях. И поколение людей, отвечающих на вопросы уклончиво, невнятно, неопределенно, образно и ни о чем. Что в немалой степени отразилось на текстовой составляющей рок-эстрады (смеются).

Реалии того периода были таковы, что если ты на улице спрашивал открыто: «А как ты думаешь или как видишь определенную проблему?» – то люди тушевались и замыкались, подозревая в вопрошающем стукача. Вопросы-то подобные задавались только в двух местах: на тусовках и в милиции, куда забирали маргиналов. Тем более, что многие люди, от которых зависели неформальные события, жили намного лучше относительно советского обывателя.

Здесь стоит развенчать некоторые иллюзии относительно революционности. Революции никогда не зарождаются в трущобах – это иллюзия. Даже бунта не возникнет, а если возникнет, то во главе событий будут стоять люди более состоятельные.

Само открытие Рок-клуба на рубеже 80-х дало достаточный толчок для музыкальной и околomuзыкальной среды, которая тут же нарядилась в тоги авангардизма и стала что-то делать, периодически рассыпаясь и собираясь к какие-то компании.

Вокруг Рок-клуба появились фотографы, которые пришли снимать это клубление и искренне поддерживали это начинание. Наташа Васильева, Дима Конрад, Саша Бойко, те люди, которые на тот момент профессионально занимались фотографиями в домашних условиях. Их печатали вручную, а потом раздавали в околонульских компаниях. Наташа делала выставки с фото рок-музыкантов еще на заре Рок-клуба.

При этом, начав со стилижничания и твистов, все требовало развития. Карьерно как-то развивать городскую эстетику могли немногие. Здесь уже играли роль и образованность, и накопленный опыт. Уличные маргиналы, опирающиеся на свой личный опыт и безграмотность, в определенный момент достигшие какой-то своей высшей точки тусовочного развития, далее развиваться не могли. В этом плане более перспективными оказались люди с предпринимательскими навыками, именуемые в нашем городе мажорами. Они так же активно интересовались всем современным, но способности и возможности у них были несколько иными. И не удивительно, что немалое количество этих людей конвертировали свои знания в капитал и стали состоятельными людьми.

Остальные же массы поклонников неформальной моды утоляли свой информационный голод, и рок в СССР во многом был отправной точкой ко всему остальному.

М. Б. При этом, выйдя из соцреального забытья, тут же попадали в рок-н-рольное, отягощенное различными видами саморазрушения. Хотя многим из немногих эта встряска помогла встать на новые жизненные рельсы, ну да не суть.

Р. З. Да, а остальные, не будучи творческими личностями, попадали в зависимость от нарождающейся рок-индустрии и в итоге оказывались на обочине событий, когда волна схлынула. Художники же от рока не зависели, хотя и были вовлечены в околomuзыкальные события и активно помогали развитию процесса. О кино и анимации на самом начальном этапе никто не помышлял, но вскоре состоялось и это. Формирование же молодежных групп семидесятых шло вокруг людей, которые в то же время как пели про «город золотой», этот же «город» для себя и строили (смеется).

Хипповско-битнические образования имели свою иерархию, и в рамках этих взаимоотношений формировалась рок-культура, которая обростала толпами поклонников и тусовочными местами.

И, конечно же, множество людей панически сторонились труда. Так пришла идея с журналом «Труд», когда разные люди начали себя творчески проявлять в системной связке «Сайгон» – Рок-клуб. Люди стали подтягиваться друг к другу, но не было какого-то общего проекта для объединения. Тогда что могло быть помимо внешнего вида и меломании? Самиздат и группы, вокруг которых что-то внятное могло бы происходить. И в 84 году наступил момент, когда уличные тусовки начали как-то рассыпаться, и нужно было дать какую-то объединительную тему, в первую очередь для мужской части тусовщиков. Девушки, они как-то по совсем особым принципам стусовывались. Вот так и возникла группа и журнал. Причем именно этот год стал очередным витком оголтелой самодеятельности с достаточно серьезным продолжением. И не только в Питере. Видимо, у молодых людей накопилось столько безответных вопросов, что жажда получить на них ответы или озвучить свое видение зашкалила барьер сдерживания.

В компаниях же шло обсуждение и генерировались какие-то идеи. Но только люди с оперативной реакцией и способные быстро усваивать информацию могли воплотить эти идеи в

жизнь. Тот же Антон, будучи заметной фигурой в тусовочном мире, общался с различными группами и был всегда достаточно информирован. Именно вокруг него сформировался «Тедди бойз» клуб, участники которого достаточно ярко простиляжничали пару лет. И мы с товарищами стали развиваться в области индустриальной стилистики. Конечно, идеи рождались в общении, но кто-то должен был внятно формулировать. И таких людей было мало. Зато было много тех, кто перемещался попросту в сомнамбулическом состоянии, одурманенный либо пропагандой, либо какими-то препаратами. Причем пьянство не было регулярным и перемежалось с какими-то перманентными забавными поисками партеров по сексу, чем, например, знаменит ленинградский Невский и «Каткин сад» 80-х. Такая вольная туристическая атмосфера.

В принципе, так было всегда, но на тот период нашлось достаточно понимающих людей, осознавших, что все, что можно сделать, можно сделать самостоятельно. И из таких самостоятельных людей складывалась не только творческая прослойка. Большинство состоявшихся людей нынешнего периода – это те люди, которые вышли на старт своей личной истории тогда. При первом же выяснении, что оценки и мироощущение совпадают, люди коммутировались, и дальнейшее общение велось в рамках взаимоизучения как среды, так и участников событий. Как говорил Эммануил Кант, способность интеллекта – это способность мыслить абстрактно. Для меня особым родом разочарования в некоторых людях было, когда обнаруживалось, что за фасадом стилевых знаний, жажды удовольствий и куража ничего не обнаруживалось. Интересней были компании, в которых что-то бурлило, был смысл и производился продукт.

Сначала приходило осознание, потом внешний вид, общение. И люди в стремлении выдать какой-то продукт, самостоятельно шлифовали свои способности и таланты. До этого все происходило в рамках институций и каких-нибудь хобби. Причем институции, естественно, не понимая, как и неформалы, что происходит вокруг, ставили возможные препоны для подобных инициатив. Ценз, литовки, саботаж – все это не ново и постепенно возвращается сейчас. Когда сложился такой кружок вокруг самиздата «Труд», появилась идея сделать одноименную группу для озвучивания реалий. Причем никто не планировал какое-то концертное выступление, просто играть какой-то инструментал, как «Джунги», не было ни опыта, ни желания. Нужны были тексты, и возникла идея компиляции газетных заметок и не менее компилированной музыки.

Стоит отметить, что в это время активно использовалось звукоизвлечение и звукоснятие. Тут и изобретение «утюгона», приспособления для звукоизвлечения из утюгов, которое на самом деле придумал не Тимур, а Антон Тедди, просто все это шло в русле «нолевигов». Был еще инструмент «капельница», задействованный в «Поп-механиках», да и «Новые композиторы» уже в перестроечный период бегали по городу и снимали звуки со всего подряд, а потом это все микшировалось. Звукозаписывающие аппараты подносились ко всему, что издавало звуки или кто-то их сознательно извлекал. Лазили по всяким цистернам и шумели.

М. Б. Можно сказать, заря советского индастриала в это время уже вошла. «Братья по разуму» уже всю писали альбомы, Юра Орлов активно экспериментировал, да и панк как таковой уже всю скрежетал. «ДК», как и Алекс, в этом же году разродились как бы панковскими альбомами с включением закольцовок из соцарта.

Р. 3. Опять же Алекс, талантливый энергичный человек, выдававший интересный музыкальный продукт. Но им никто не занимался. Это был нерентабельный товар для тогдашних аудиопроизводителей, потому что мало того, что радикальный для того периода, так еще и настоящий. А дельцам нужна была эстрада. Это сейчас панковские клоны идут на ура, а тогда подобных проявлений сторонились многие. Тропило в 80-х общался с Алексом, но продолжения не получилось, хотя под конец 20-го века его тоже пытались вписать в эстрадную волну. Хороший человек был, свободолюбивый и неуправляемый в хорошем смысле. Но в ситуацию не вписался. У нас же всегда было тяготение к городской культуре с элементами индустриальной культуры.

стриального сюра. Взяли для текстов газетные вырезки и положили на шумовой почти фон. Такое индустриальное пересмешничество. И вот когда это произошло, и мы с замикшированными заметками из советской прессы приперлись в «Рок-клуб», произошла памятная встреча с «рок-неформалом» товарищем Рекшаном, который занимал полукомсомольскую должность литовщика текстов. Товарища перемякло на первой композиции из 13-ти, которая называлась «Неофашисты активизируются». Там шла целая волна выявления пороков зарубежной жизни, и песня состояла из текста заметки по поводу мюнхенских неофашистов, под который был подложен якобы стук пивных кружек (смеется).

Остальные «музыкальные заметки» сквозь «кипит наш разум возмущенный» не проскочили вовсе, но тут же мы были обвинены в фашизме и плагиате, хотя до сих пор меня мучают сомнения, что Владимир хотя бы сейчас уяснил, что в стране, ворующей иностранные музыкальные рифы и печатающей советские пластинки зарубежных исполнителей, авторское право было советское, – то есть «все вокруг колхозное, все вокруг мое» (смеются).

Думаю я так, потому как даже в своих назидательных опусах он отметил этот эпизод, лишний раз расписавшись в собственной непроходимости и каком-то патологическом самоуглублении в рамках руководящей линии партии. А подобный сорт людей, в чьи задачи входило держать нос по ветру, не понимают, что будили и будят того зверя, которого сами же ждут и желают увидеть. Тогда было модно писать про фашистов, как сейчас про скинхедов, вот и выковырял себе изюминку для графоманства...

А про адекватную ответственность за последствия подобных статей, думается, речи заводить и не надо. Вкратце, все это «добровольное стукачество» вылилось во внимание более чем настороженного госаппарата и обернулось жестким прессингом как на тех же музыкантов, так и на уличных неформалов. Музыкантам запретное позерство в это период было выгодным, а субкультуры... Субкультуры были уже другими, не хипповскими, что наши рок-руководители попросту прощелкали. Ну а кроме этого эпизода каким фашизмом Рекшана потешили?

Какой фашизм был в песне про Лещенко, который намозолил уши своими песнями про победу, или в песне про Индиру Ганди, которую убили спустя 2 месяца после записи альбома, тут уж пускай медики разбираются. Был сделан музыкально озвученный срез содейственности, но эти люди, заселившие Рок-клуб в 83–85 годах, этого попросту не понимали. Им нужна была паства и поклонники, потребляющие полулегальный аудиотовар, а все, что в этот формат не укладывалось или вызывало какой-то резонанс, они попросту отсекали. А группа вообще не собиралась выступать. Это был «ноль объект», задачей которого была фиксация ситуации, поэтому принципиально подавались заявки, которые тут же отвергались, ходили слухи о том, что когда-нибудь да выступят. Но этого не происходило, потому что и не планировалось (смеются). При этом стоит отметить, что бюрократическая система в Рок-клубе была не всегда таковой. В самом начале там творилась анархия, и все было достаточно весело. Ближе к перестройке началось подобное загнивание. Проявились унылые хиппи, появились билеты, которыми отчаянно спекулировали. Ввели хозрасчет, и все накрылось медным тазом. Но меня это тогда как-то слабо интересовало. А потом, когда волна рок-эстрады схлынула и стали пропускать радикалов, все вернулось на круги своя.

М. Б. А художественный срез?

Р. 3. Общение в рамках компаний было всегда, и нестандартно выделяющиеся люди всегда могли найти общие цели. Тем более, что для себя я тогда хотел определиться чем мне интересней заниматься – музыкой или рисованием. И на момент активного вливания в уже художественную среду состоял в секции художников при Рок-клубе.

Но еще в рамках уличного общения в начале 80-х часто заходил к Тимур, когда он жил с мамой на Литейном. Он всю тогда ударился в неформально-творческие дела, и у него собиралась разношерстная компания, но уже без инфекционного заболевания в виде битломании. Условия были достаточно гнусные, и здесь стоит отметить, что в Ленинграде 80-х это была

общецентральная картина. Если отъехать от Невского района километров на десять, то кругом царил не просто обветшавший ландшафт, а сгнивший и разлагающийся. Возможно, этим определялась социальная активность того периода. Либо самый центр, либо новые удаленные районы, где тоже в обилии присутствовала коммунальная жизнь. А в остальном, даже сейчас, где не расселены квартиры, обстановка премерзнейшая. Тесно, зелено-бурые тона помещения, и не мудрено, что многие художники и неформалы ходили друг к другу в гости, задерживаясь в своих пенатах, только если коллектив собирался именно там. Приезжали и москвичи-художники чуть ли не с инспекцией (смеются). Помню, вместе с одной группой приехал такой Леша Фашист, и стало вдруг любопытно кто ж такой скрывается под таким суровыми позывными. Оказался достаточно крепкий хиппан, совсем не грозный. Больше всего похожий на тех хиппанов, что рисуют сейчас на MTV как персонажей. Хулиган, если он входит, его сразу чувствуешь, что если не сейчас, то через какое-то время обязательно что-нибудь произойдет, а здесь милый интеллигентнейший человек, но почему-то Фашист. Но все обычно кончалось пьянками и весельем.

С Юфой я познакомился через Мотю, когда Евгений проходил какую-то практику на пролетарском заводе, где он уже мучил какие-то битнические выходки, разлагающие рабочий коллектив (смеется).

Постоянно предлагал своему окружению, в которое входил Панов с товарищами, всякие глупости и шалости, которые радостно тут же и исполняли. Был активным деятелем и постоянно чего-то снимал, привлекая как статистов, так и знакомых. Была уже оформлена грузинская тема с битническим стилем. Евгений при этом был человек природный с эдаким первобытным мощным драйвом, которого к природе и тянуло.

А он за собой на природу тянул всех остальных. Можно сказать, на нее же и натягивал (смеются).

Я же был урбаноидом и участвовал в этих шабашах эпизодически. И вот однажды моя знакомая из медицинского института принесла резиновый макет человека и спросила, не нужен ли он мне. Я как увидел это зеленое чучело, тут же уволок на рабочее место. Участвовал он в выставке рок-клубовской, в которой участвовали многие известные ныне имена, а я имел прямое отношение к ее организации. Была комиссия во главе с девушкой Любой, которая пришла и говорит, мол, я это все не разрешаю. Можем повесить это, это, а все остальное забирайте. Работы при этом в подсобке лежали месяца четыре и было это в 83 году. Человека этого я таскал по городу сложенным вдвое в чемодане.

И однажды, когда меня милиционеры попросили развернуть и показать что я там несу, они были в шоке (смеется). Артефактов таких было мало, и я его с начала пытался приспособить в оформлении сцены Рок-клуба. Хотели его повесить на сцену, но руководство клуба попросило человека убрать, и таким образом он перекочевал к Юфе и был отснят под видом Зураба, а я – в виде его отца. Девизы и лозунги уже были сформулированы, и сложилась своя система мимикрии и словечек в рамках некрореализма. Все делалось бессознательно и спонтанно, но весело. Термин «Асса» родился здесь, когда еще не было глубокого членовредительства, и, по идее, в «НЧ/ВЧ» должна была образоваться одноименная группа, но образовалась группа, одноименная с клубом. Я не знаю какое значения этому придает Юфит, но для меня это была стеб-юморина с загородными чудачествами.

Круг некрореалистов расширился, появились дубли в виде второго Юфы, второго Густова, сам процесс принял нездоровые, крайне brutальные формы, и многие участники изначальной группы вышли из ее состава. Даже мой дубль был, и мне его показывали. Я сначала думал, что смеются, но когда стали показывать дублей, стало не смешно. Но не менее удивительно: люди не похожи, но с теми же позывными и тоже неформалы.

А начиналось все с постановочных фотографий, на которых героизировались различные битники. А потом эти же типажи стали участниками идиотических постановок, в которых

участвовал резиновый Зураб. Его с криком «Асса» кидали с высоты, и происходило это в районе конца Марата. Был разрушенный дом, и с него Зураба, одетого в пальто, катапультировали. При этом какая-то старушка, все это узревшая, начала кричать: «Люди, люди, убивают!» После чего ей пришлось продемонстрировать, что именно убивалось, и как-то успокоить. На что старушка заулыбалась и сказала: «А-а-а. Это вы в себе жестокость воспитываете» (смеются).

Воспитывали скорее идиотизм, и рефлексия на его проявления.

В 84-м году в музее Достоевского началось какое-то общение, и уже после этого начались постановки в Технологическом институте, сцена которого была в разы меньше, чем не такой уж большой питерский Рок-клуб.

И сцена была заточена за Драгомощенко, который там читал свои стихи, и вокруг этого стихотворения устраивались минималистические действия. Был, например, «пылесос», когда сидящего в тазу за ноги развозили по сцене, были «утюгон» и «капельница», когда звуки извлекались путем капания в таз с водой, но назвать это какими-то массовыми событиями лично мне сложно. Знаковыми для участников, возможно. По крайней мере, на этой сцене произошло единение различных групп, и к действиям художников подключились музыканты Курехинского круга. Как это все организовывалось, вообще не поддается описанию, потому что администрация знала, что что-то будет, а что именно и кто разрешил – нет (смеется).

Я бы назвал это все капустниками, а кто-то называет величайшими событиями. У нас были свои не менее интересные события, те же съемки с участием Зураба, с которым постоянно что-то приключалось. Переносили мы его по городу в чемодане, и как-то раз, точно тогда был Юра Морозов... И кстати, тогда же пошла мода на «арафатки», не связанная с каким бы то ни было антисемитизмом, просто здесь училось много арабских студентов. И когда мы шли со съемок и несли чемодан со сложенным Зурабом, то к нам подошла группа милиционеров и попросила его открыть. Причем Зураб, когда был несложен, пружинил и попросту выскочил из чемодана, перепугав не на шутку служителей правопорядка. А подошли милиционеры потому, что все люди как люди, а тут группа лиц в пятидесятнических «польтах» с регланами, в «арафатках» и что-то еще несут. На этот раз обошлось легким испугом, и когда я в очередной раз читаю или слышу по поводу каких-то злобных козней «кровоной гебни», все это уже даже не смешно. Лютовала в большей степени милиция, которая оцепляла концерты и дубасила посетителей. Тому же Нику Рок-н-ролла досталось после концерта на Заслонова, когда арестовали весь зал.

Сначала я попросту недоумевал по поводу происходящего. Такое происходило и на Рубинштейна, когда все приходили на концерт и еще до начала к клубу подъезжал пикапчик, в который прямо из зала эвакуировали дресскодированных неформалов. А на Заслонова, в заведении, на фоне белой простыни в фас и профиль щелкали, а потом гуляй. Фиксировали в течение часа, а порой оставляли на всю ночь. Примелькавшихся заматали автоматически. У Вилли, к примеру, было четкое правило: нельзя ходить за Аничкин мост. Потому как только его пересекал, тут же его забирали. Территория от Восстания до моста зачищалась.

На Воинова, где были мастерские и открылся «НЧ/ВЧ», он стоял прямо напротив «большого дома». Семья же Сумароковых, возглавившая открывшееся в 86 году новое место, была из настоящего дворянского рода, и квартира была напичкана всякими атрибутами этого сословия. В том числе и именным фарфором, на котором съели котлов, и эта история обросла множеством слухов и легенд. Рок-клубовская тусовка ко второй половине 80-х обросла новым поколением неформалов со своими «звездами». Юру Скандалиста, Рикошета и почему-то Ника Рок-н-ролла считали какими-то жуткими хулиганами, хотя из этого списка только Юра мог отвечать всему комплексу подобного психотипа.

М. Б. Ну, Коля и Рикошет все-таки жили на сцене, потому и выкладывались там. Рикошет крутил сальто и вращал микрофонные стойки, а Ник на открытии «НЧ/ВЧ» надел на голову плафон от лампы и бился им обо все что попало (смеются).

Р. 3. Ну да, эти были в образах. А Юра и тот же Свин, и многие другие к этому моменту уже не различали где кончается образ и начинается реальность. Ну так вот, когда в квартиру к Леше Сумарокову набилась тусовка панков, и все, конечно же, на кураже стали развивать ситуацию в общении, кто-то вспомнил что-де сегодня какая-то годовщина блокады Ленинграда, и все это вылилось в решение это событие отпраздновать. Уже не помню кто предложил, но активность проявил Свин: был изловлен кот, ошипан и съеден коллективно в тесноте в завалах из антикварной мебели. Кот оказался домашним и никакой не сумароковский, как это потом рассказывалось. Но, что я по этому поводу хотел бы сказать. Распоясались на тот период очень, и грань между шутками и не шутками стала более чем призрачна. Вроде бы шутейно начиналось, пока кто-то не ставил вопрос ребром и не находились люди, думающие: «А почему бы и нет?» Причем акция на тот момент никого особо и не шокировала, и слухов потом было гораздо больше.

«НЧ/ВЧ» стало новым местом, хотя я все еще проводил время в загнивающем Рок-клубе. «Поп-механика» уже встала на какую-то эстрадную колею, а художественные группы обросли новыми деятелями и поклонниками. Само название придумал, конечно же, Котельников, именно для группы, но потом все это брожение получило обобщенное название низких и высоких частот по аналогу с AC/DC.

Перебывали там все, но почему-то толкового ничего не вышло. Помню, еще к Сумарокову-младшему приехала чилийская подруга, имевшая отношение к чилийскому же коммунистическому движению, которая очень хотела тут же уехать обратно (смеется).

То, что происходило в последние годы застоя, на многих приезжих коммунистов подобным образом действовало.

А неформальная среда тоже разрослась и отчасти перемещалась. Мне же из этого всего, конечно, нравилась эстетическая сторона вопроса, и то, что любой сложившийся стиль можно было высмеять, не примыкая при этом к панкам. При этом были люди, которые были завернуты на гипертрофированной панковской эстетике, близкой к «чуханизму», но подобных сторонились. Часть же серьезных людей поставила целью для себя поскорее от этого нарождающегося хаоса свалить за границу. И многие из уехавших в силу своей активности состоялись и там. И кто его знает, как оно сложилось бы иначе, если б черненковский мрачнюк наступил на лет пять позже. Возможно, всего этого не было бы, и те кадры, которые бежали от советского апокалипсиса, либо не уехали, либо вернулись, сверив свои представления о заграничье, до этого момента дозированно потребляя только красочные истории о ней.

При этом в первые годы перестройки основная часть советской интеллигенции сама отвалила от текущих госпроцессов, занимаясь собственными делами. Никто уже не ожидал какого-то чуда, и кто-то попросту не вписался в подобный поворот событий, кто-то вовсе отошел в мир иной. И творческий люд на самом деле от этого всего только пострадал, будучи поставлен в какие-то неопределенные рамки и условия. Немалая часть, и маргинальная в первую очередь, оказалась не приспособленной к самостоятельным жестким реалиям. Многие попросту утратили жилье и были ущемлены в правах. И те, кто играл в группу риска, в какой-то момент в этой группе уже настоящей и оказались. Каким-то художникам впоследствии повезло и они получили жилье с мастерскими в сквоте на Пушкинской, который позднее превратился в арт-центр.

Ситуация была достаточно мрачная, учитывая то, что группы рассыпались, и многие уехали за границу. И когда появился Сорос и поддержал грантами уже санкт-петербургскую художественную среду, эти группы сузились до предела. Все стало больше напоминать борьбу за выживание. И я все время старался держаться от этой суеты подальше, время от времени производя картинки. Возможно, плохая аналогия, но когда разные люди сидят в одной камере с единым надсмотрщиком – они как бы вместе, равноценны, и ни у кого ничего нет. Но как только двери тюрьмы распахнулись, все эти разные люди разошлись по нишам, к которым

изначально имели склонность. Желание получить свободу и отвоевать себе пространство для жизнедеятельности объединяли. И, возможно, многие до сих пор не осознали, какие блага они получили по сравнению с тем, что уже обрушивалось и осыпалось. Людям дали свободу выбирать и перемещаться, но многим это попросту было не нужно. Они не могли самостоятельно формироваться и производить какой-то продукт, но продолжали бороться за свое индивидуальное пространство. Многие в этой борьбе и погибли.

Олег Хак

Фото 2. Москва, фото Александра Слюсарева, 1985

О. Х. Сейчас, проезжая мимо «Щелчка», даже удивляешься, что тут могло что-нибудь возникнуть и быть вообще. Казалось бы, что близостью к метрополитену и к другим коммуникациям можно было хоть как-то объяснить то, что происходило в те времена лично у меня.

Но то, что происходило на самом деле и по всей стране, объяснить словами не представляется возможным (смеется).

Нормальное беззаботное советское детство, со всем набором в виде свободного времени и всяческими творческими экспериментами. Жил я прямо возле метро, где ежедневно собиралось немалое количество беззаботных бездельников. Так уж получилось, что Гольяново заселялось не одновременно и даже можно сказать многослойно. Некий поселковый островок, населенный советскими тружениками, стал объектом выселения всяческих неблагонадежных типов и наркоманов в середине 70-х. А уже позже, ближе к 80-м, когда Москва в очередной раз расширялась, туда стали отселять молодежь из центральных коммуналок. В результате получилась гремучая смесь, которая быстро между собой перезнакомилась благодаря усиленному новостроечному мордобою.

М. Б. Я помню эти моменты более чем отчетливо, так как учиться приходилось в Метрогородке, а путь домой лежал через все микрорайоны поэтапно, и на каждом остановочном форпосте с детства приходилось доказывать свою состоятельность как местного жителя (смеется).

О. Х. Ну и, наверное, как у многих, детство и юность проходили в поисках постоянных приключений и новых ощущений. Собственно, благодаря нашей подростковой активности мы тогда были осведомлены о всех передовых направлениях и тенденциях в зарубежной молодежной моде. Но хотелось чего-то своего, непохожего на все, что предоставляла достаточно ограниченная окружающая действительность. А нас, компанию подобных, уже тогда манили и привлекали старинные добротные вещи, которые с легкостью находились в комиссионных магазинах. О рок-н-роллах тогда еще никто не помышлял, все это началось позднее, но желание клоунады присутствовало с детства. Без нее было скучно. Смотри сам. Проснулся, пошарил по карманам. В кармане 3 рубля. Сдал заваливающуюся стеклопосуду – стало пять. Дальше прошелся по комиссионкам на предмет поиска новинок...

М. Б. Сейчас от сети комиссионных осталась всего пара точек, где принимают вещи от городского населения. А ранее это был целый сетевой мирок необычных вещей со своей специализацией и маршрутами. Да и оборот стеклотары в советской природе – это отдельная тема для песни. Своя инфраструктура, прилегающая к винно-водочным развлечениям. Со своей системной иерархией и кидаловом (смеется).

О. Х. Присутствовало, присутствовало. Но мы не давались в обман. Тут, наверное, потребуются аннотации, иначе никто ничего не поймет. Бурно проведенный предыдущий день, как правило, оставлял мешок пустой посуды от пива, а это практически 10 рублей денег от сдачи тары. Начальный подростковый капитал, можно сказать. Как можно сказать и то, что нормального пива, которого было в обилии ранее, к этому моменту стало очень мало и за ним почти охотились. Это во многом определяло место встреч. Типа, встречаемся там куда пиво нормальное завезли (смеется).

Ну и, встретившись, день был начат. При этом всякая активность закономерно приводила к расширению кругозора, и смекалка шлифовалась на ход ноги. Знали мы тогда порядка пяти местных комиссионок и, конечно же, Тишинский рынок, где пополнялись запасы личных гардеробов. В Москве начала 80-х практически единственной формой молодежного досуга были дискотеки, которые поводились исключительно до 23:00, но нам этого хватало, чтобы продемонстрировать все достижения комиссионного хозяйства и собственного стиля (смеется).

Подростками мы были заметными, да и находились все время на виду, проводя основную часть времени под часами на пяточке возле Щелковского метро. Там-то и появился дядечка Евсеев. С ним проводились занятия спортивным рок-н-роллом. В этом движении пошла уже иная музыка, совсем иностранная. И вот этот полковник Евсеев выдернул нас на какое-то время в среду спортивного, как это тогда называлось, танца и организаций дискотек. Успеха

мы добились моментально. И спустя некоторое время нас уже приглашали на съемки такой дебильно-развлекательной программы – «Шире круг».

При этом надо обрисовать реалии. Приезжать нужно было к часу ночи в Останкино, к которому, кроме трамвая, ничего не ходило. Снимали нас, снимали, ну и как водится, именно этот материал из программы вырезали. Но танцы продолжились позднее, совместно с «Мистер Твистером». Здесь все было легально, их уже показывали в «Утренней почте», что по советским меркам было знаком признания со стороны официоза. Был еще смотр дискотек, который проводился в концертном зале «Дружба», куда нас пригласили и дали первое место за выступление. А после фестиваля нам «дали» уже другие люди, и по «первое число». Были это милиционеры в штатском, которые вломили нам по полной, объяснив свои действия, что, мол, получили мы за «обезьяньи танцы». Под такой формулировкой у них проходил легализованный в Союзе Майкл Джексон, в стиле которого мы делали программу (смеется).

Конфликты с оперативниками были и раньше, но в андроповско-черненковский период особенно, и так я стал одним из основных посетителей всевозможных отделений милиции. У меня тогда был полубокс с голыми висками, и патрули ДНД меня забирали постоянно, мотивируя это тем, что нормальный человек так не пострижется! А на вопрос, чем это я вам ненормальный, отвечали, что, мол, кто тебя знает, может, ты из армии сбежал.

А возвращаясь к реалиям «Щелчка» – ну что? Собирались там вполне себе передовые разнородные молодежные массы, рядом находился культовый в период всех 80-х пивной бар «Саяны»...

М. Б. Да, было что-то в «Щелчках» особенно сюрреалистическое. Такой оазис посреди метростроевских застроек, с полным спектром услуг примитивного советского быта. Причем, поскольку на местах царил молодежная вольница, места типа «Саян» стали привлекательными для молодежи не только ближайшего Измайлово, но и более отдаленных районов, включая центровые. Помнится, сиживал в конце 80-х и покойный ныне Дима Саббат с компанией, и Хирург приезжал.

О. Х. Да, приезжали не только с центров. Были люди и с районов станции метро Водный стадион. Совсем север Москвы, но вполне цивилизованный. Я вообще считаю, что по большому счету только в этих двух районах и жила серьезно продвинутая молодежь. Или, по крайней мере, именно там мы с ней сталкивались. Как и у нас, я имею ввиду всякие парки и Медвежьи озера, там были зоны отдыха, пляжи и лесопарковые зоны. Вполне возможно, что поэтому. Было где гулять.

А на самом пятачке «Щелчка» собиралось достаточно плотная разнородная тусовка, объединенная общей целью праздного и веселого времяпровождения. Радикалов даже в середине 80-х особенно нигде не было видно, и молодежь формировалась по двум направлениям – нью-вейв, термин, под который попадали и новые стилисты, и депешисты. Брейкеры были, но довольно непродолжительный период, буквально сезон. Мы тоже ничего из модных тенденций не пропускали, но оставались в собственном стиле. Любопытно было наблюдать все эти метаморфозы. Подростки с утра просыпались ньювейверами, а засыпали брейкерами. Причем каждый стиль нес в себе свои псевдоконцепции. Такой подростковый самообман, что, мол, это все обязательно что-то должно значить, и мы уже слышали или читали, что именно так оно и есть (смеется).

М. Б. Все эти частые смены имиджей в итоге приводили к замысловатым смещениям и появлениям вовсе карикатурных деталей. Как, например, у тебя. Вот зачем ты разгуливал в 87 году по «центру северо-восточных молодежных цивилизаций» в этническом халате?

О. Х. Зачем, зачем... Татарин я (смеется). Удовольствие было одно: быть непохожими не только на окружающих, но и на самих себя. Уйти от формы, чтобы обрести новую. Вместе со вкусом оттачивались навыки предприимчивости и юношеской смекалки.

Так я и отпахал лет пять киномехаником в кинотеатре «София». После окончания десятилетки остро стал вопрос об армии. Причем у тунейдцев бытовало ошибочное мнение, что в армии хорошо быть поваром или библиотекарем. Но я тогда уже решил, что лучше всего в армии быть киномехаником, что и подтвердилось впоследствии. А киномеханик из Москвы, из киноконцертного зала – это сразу генштаб (смеется).

Приехал я тогда на Бауманскую, в Академию бронетанковых войск:

– Здравствуйтесь, – говорю. – Киномеханик из Москвы нужен?

– Будешь как бог. Уходишь в армию, надеваешь форму, и живешь дома!

Я быстро все смекнул. Пришел в «Софию». А там объявление – принимаются ученики киномехаников с окладом в 96 рублей, что по тем временам вполне себе сумма. Потом в кинотеатре тут же и дискотека Евсеева. Там же был организован живой уголок, куда меня мои товарищи приносили вниз головой, чем я немало радовал местных инженеров женского пола. Было весело настолько, что как-то даже был изгнан местный сторож, за то, что из кинотеатра ночью доносились дикие визги и мешали людям из близлежащих домов спать. Это они еще внутри не побывали, а там творилось нечто. В кинозале была сооружена тарзанка из пожарного шланга, на сцене играли в теннис, Паша Карлосон постоянно выпускал всех птиц в пампасы, кругом царило пьянство и разврат (смеется).

Мечты сбывались, но не все. Так, один из моих друзей всегда мечтал быть художником, а стал налоговым инспектором. Смешно у них все это получается, потому как люди сами по себе забавные. Причем устроили мы его тоже по случаю. Просто шли как-то в 6 утра мимо кинотеатра «Новороссийск», косые-кривые, а мимо шли какие-то девушки с шампанским и конфетами. Мы, конечно же, пристали, а они оказались чуть ли не нашего фигуранта одногруппницы. Его некогда за прогулы из института, а быть может из-за отмены брони забрали в армию, и он, отслужив положенное, заканчивал обучение позднее. А тогда только налоговые службы организовывались, и девушки прогуливались по фирмам, где в старых московских традициях устраивались посиделки и презентовались всяческие незначительные подарки. И мы, оперативно сориентировавшись, нашего товарища в службы эти и внедрили...

А возвращаясь к событиям восьмидесятых... Брейк и «новая волна» нас особо не вдохновляли, как-то мы были уже постарше, поэтому стали придерживаться собственного стиля – «утесовского». В Москве появились и были другие стилисты, но мы были иные, «широкие». Собственно, так нас и называли из за покроя в стиле 20-х, и это было удобно. Можно было в один день пойти стилист погонять, в другой день волновиков. Были некоторые собственные изобретения – портфели, броши. Вид был настолько неопределенно вызывающий, что когда нас попытались прижать «любера» в «Метелице», в самый решающий момент мы возмутились:

– Одну минуточку, а за что! Мы чё вам, стилисты?

– Вроде нет. И не металлисты – это точно! Говорим:

– Мы боксёры. Фильм «Первая перчатка» помните? Если хочешь быть здоров, закаляйся! (смеется).

Они как-то и не сообразили за что же нас надо бить. Я даже пытался их уверить, что являюсь на самом деле металлистом, тыкая в брошь с камнями на пиджаке, но потасовка так и не состоялась. Потом этот мотив лег в песню «Мистеров», той, где «Я в кожаной куртке иду по Арбату и мне «любера» кивают как брату»...

А поездки по дискотекам, бурно развивавшимся в 85 году, были регулярными. Собственно, рост подобных заведений можно связать с проведением в Москве фестиваля молодежи и студентов. Тогда-то я и стал агентом КГБ (смеется).

Дело было так. Как раз накануне проведения фестиваля я был вызван в какую-то зашифрованную пятиэтажку. Где мне все про меня рассказали, подробно перечислив мои всяческие поступки, вплоть до первых контактов с противоположным полом. Сказали что я такой активный, что лучшего агента и подыскать-то трудно. Тут же была устроена сцена из фильмов про

комсомольцев 20 годов: я заявил, что как и все трудящиеся комсомольцы, всю жизнь мечтал служить на благо Родины (смеется). Мне объяснили цели и задачи, которые были в том, чтобы отслеживать опасные связи с иностранцами в молодежной среде, при этом разрешив мне делать все, что я захочу, и выдали секретный телефон. Поддержка была заявлена во всем, была подписана бумажка о неразглашении, и в этот же вечер все Гольяново на болоте бухало за нового агента КГБ (смеется).

С института меня завернули, махровая рука спецслужб после разглашения государственной тайны в поддержке мне не отметилась. До сих пор загадкой остается, что именно таких трезвых дядечек ввело в заблуждение по поводу моей благонадежности. Скорей всего, костюмы и контактность, которые частично отражали чекистский довоенный стиль (смеется).

К 86 году все стали искать косые куртки, но и здесь мы пошли своим путем. Вместо курток мы стали собирать старые двубортные плащи, в стиле ЧК. При этом параллельно коллекционированию старой одежды шло изучение истории костюма, и мы тогда уже знали, что кожаные вещи чекистов на самом деле были конфискатом спецзаказа, который выполнялся за рубежом специально для моторизированных войск царской армии. А регланы пошли по имени английского офицера, который, оставшись без руки, ввел новый фасон рукава.

Коллекцию свою, немалую, я позже подарил Саше Петлюре, который стал заниматься коллекционированием старинной одежды. Шапки только оставил – штук пятьдесят. Правда, самые козырные, конечно же, утратились в многочисленных «гульбариях». Клоунада была по полной, что, собственно, сказалось на факте наличия многочисленных поклонниц, из-за которых в свое время испортились отношения с Измайловскими качками, не выдерживавших подобной конкуренции.

Перемещениями в дискотечном пространстве мы не ограничивались. Часто после окончания киномеханической смены, с семью рублями в кармане, а билеты по студенческим стоили четыре рубля, шумною компанией мы отбывали в Питер.

Все это было легко, так как в Питере можно было найти себе подобных клоунов. Так, собственно, каждое утро и начиналось. С утра встанешь, обзвонишь тунеядцев, и ящик пива уже стоит. Коммуникация тунеядцев работала исправно. А тяга к путешествиям привела меня однажды в «Гидропроект» на станции метро «Сокол», где я завербовался геофизиком, и мы катались по Советскому Союзу вместе с четырьмя мужиками. Туры были по четыре месяца и как-то это даже оплачивалось.

Вот. Но чаще приходилось перемещаться по родной столице, где, начиная с 86 года, мы стали встречать молодежь новой формации. Москва того периода как-то сразу разделилась на молодежь, поддерживающую «люберов» и наоборот. Поначалу под «люберов» сразу легла «Ждань», часть измайловско-гольяновских качков и подмосковные городишки. При этом среда местных культуристов тоже поделилась по предпочтениям. В том же Измайлово оставались сочувствующие из тех, кто постарше, а молодняк кидался. Начались столкновения, которые приносили свой экстремальный шарм в молодежные гуляния. Нас это не останавливало, наоборот, как-то раз мы даже поехали учить «люберов» танцевать брейкдэнс (смеется).

Тогда еще даже не было метро Авиамоторная, но уже проводились дискотеки в МЭИ. Взяли с собой девушек, крашенных как попугаи, и, когда внутри скинули свои плащи, «любера» стояли минут пять в ошарашенности, не понимая, что за идиоты могли припереться на явную погибель. А мы кривлялись как могли, пока по залу не пронесся крик: «П@зди их», и понеслась.

Кстати, в той поездке с нами был молодой человек, который нынче известнейший банкир. В этом, собственно, было еще одно отличие от подрастающих стилияг, которые боялись всего, что шевелится, за что получали по шапке и от нас.

А тогда, несмотря на абсолютно бредовую ситуацию, получилось отбиться, правда, как обычно, все шишки достались мне как старшему и терять, типа, мне нечего. С работы не уво-

лить, воспитывать обязаны. Комсомольскую руку протянуть. Преступно было бы забыть роль ВЛКСМ в то время. Он уже был не столько страшен, сколько забавен. Какие были поездки по Комсомольске-мол одёжным путёвкам! (смеется).

Тогда же наверху решили, что в каждом районе Москвы должен обязательно быть свой молодежный клуб. Что проявилось в Первомайском районе в виде кафе «Ровесник», а в Куйбышевском кафе – «Стромынка», что от «Щелчка» было на порядок дальше. Кто-то, наверное, может сейчас вспомнить и такие места как «Кронштадт» и «Молоко». Всё это, заметь, под флагом комсомола. Ну а в районе, на болоте, наши местные молодые качки нас ненавидели, поскольку все девушки, и даже бывшие ихние, были нашими. Был такой Гена, в юности «Прыщ», позже «Доктор», когда подкачался, – который однажды вместе со своими товарищами отметелили меня так, что пробили голову, порвали щеку. Что называется, просыпаюсь 3 сентября. Полный рот засохшей крови, сотрясение мозга, а в травмпункте еще обрадовали, мол, у вас рваная рана щеки и зашивать ее поздно. Правда, есть возможность поместить вас в институт микрохирургии, где на вас опыты ставить будут. Ну, опыты, значит опыты, не с дыркой же ходить. И как-то эту дырку там мне хитро натянули, что она срослась, а пока этот процесс шел, мои друзья-подонки мне через эту дырку водку заливали во время многочисленных посещений.

Были и другие столкновения с забавными историями. Помнится, как-то прогуливались по площади Революции. К нам подошел милиционер и стал просто умолять, чтобы мы не спускались вниз, предупреждая, о том, что там «любера». Ну мы, конечно же, послушались, и с криками: «Как любера? Где любера?» – радостно понеслись к эскалатору. И когда мы уже спускались вниз, навстречу нам поднималась толпа человек тридцать, которая тут же предприняла попытки перескочить на наш эскалатор, но была остановлена расстрелом из водного пистолета (смеются). Собственно, я всегда стоял на жесткой позиции по отношению к решениям конфликтных ситуаций. Если была возможность биться – бился.

Ну а потом произошло плавное вливание в общую неформальную тусовку, когда начались рок-н-роллы, появилась Рок-лаборатория и мы пересеклись с «Мистерами». Маврикий Слепнев уже начинал делать татуировки. Но у меня были причины, по которым я их делать тогда не стал. Был у меня знакомый дядечка со сложной судьбой, который отсидел 5 лет за компанию с начальником за недоносительство, потому как был его шофером. А по выходу, какой-то человек что-то там сказал про его жену на автобусной остановке, тот не стерпел и дал хаму в бубен. И как оказалось, неудачно. Остановки тогда были стеклянными, и разбившееся стекло просто снесло голову обидчику. Сел дядечка за этот эпизод еще на 10 лет. Но вышел без единой татуировки. Он-то и рекомендовал нам, подросткам, что делать татуировки надо никак не раньше, чем исполнится 20 лет. Как-то эти слова запали в голову, и уже в начале девяностых я обратился к Маврику, чтобы он оставил на память о тусовке, зарубку о моем беспокойном детстве. Чтобы лежал я в морге перед студентами, а они приговаривали: «Вот, мол, дедушка – зажигал в молодости» (смеется).

А тогда не стал, но рокабилльный период был связан во многом с «Мистер Твистером» и поездками в Питер. Там мы пересеклись с местной тусовкой, с Денисом Кошечем и товарищами.

А познакомились мы так. Первый уехал Леша Каневский, а мы с Христининым подтянулись чуть позже. Приезжаем, стоит Степ и пускает слюни.

Спрашиваем, что случилось, и оказывается, его только что обули на ремень местные рокабиллы (смеются).

Ну, я, конечно, беру Лешу за шкибот, пошли искать. Нашли. Оказались нормальными людьми. Тут же они какого-то очкарика прессанули на квартиру, куда заселили нас, и мы устроили там местный концерт. Люди были замечательные, но не такие оголтелые, как неформальные москвичи. Был эпизод, когда нас предупреждали, что, мол, лучше не делать того-то, чего-

то, мол, у нас тут какие-то боксеры, наподобие московских «люберов». А нам по барабану – как всегда, в первых рядах. И так получалось, что именно нас-то в потасовках и не трогали. Так же как и на следующий день, когда был день военно-морского флота, и по улицам толпами бродила пьяная матросня. Как только кто-то узнал, что идут матросы, тут же всех сдуло, я в жопу пьяный с ремнем наперевес, выскакиваю на улицу, и меня эта толпа, плавно огибая, обошла. Как дурак стою в стойке посреди улицы, а меня товарищи подкалывают: «Ну что, побился?» (смеется).

Но несмотря на то, что мы старались быть сами по себе, слияние с остальной тусовкой было неизбежно, смешных людей магнитило друг к другу. И, по-моему, в кинотеатре «Мир» вроде была презентация Levi Strauss...

М. Б. Ага, только это было в ДК МЭЛЗ, когда на сцену вышел какой-то манекенщик в клубной куртке Levi's и стал выламываться. Первые ряды, конечно же, состояли из костяка тусовки, члены которой стали курточку ощупывать, а манекенщик, видимо, думал, что его, и стал раздеваться. В итоге куртка пошла по рукам и, конечно же, ушла вместе с Гансом Ирокезом (смеется). Поэтому у тебя как-то слиплось два мероприятия в одно, что немудрено для воспоминаний того в периода.

О. Х. Вполне возможно. Мы тогда были «широкими», кожи нам были как-то не очень, но Павлик Карлосон, поскольку чем-то отдаленно напоминал все же Элвиса, как казалось девушкам, сшил себе как раз косую. И тут Дима Саббат на общем кураже подходит к Паше, говорит, мол, не рокер, значит курточку-то снимай. Но на кураже был не только Дима, но и я, поэтому, недолго думая, устроили на месте мордобой, который закончился крепкой дружбой.

М. Б. Ну так одежда была всегда больше чем человек, и человек, согласный ее отдать, просто не имел права ее носить. Такая форма знакомств бытовала в неформальной среде и, возможно, существует в нынешней.

О. Х. Наверняка. И вот в таких потасовках, путешествиях и кураже протекала наша юность вплоть до начала 90-х. При этом если Степ был понтырщиком, а Христинин самым умным, то мне оставалась роль самого крайнего, с которой я как мог справлялся.

Начало девяностых было сопряжено с началом предпринимательской деятельности. Взрослели, потребности возрастали. У меня было много смешных работ в то время. Кроме киномеханика и рабочего геофизической экспедиции, я поработал в кооперативе, где отливал гипсовые копилки. Там очень удобный график работы. Приходишь ночью. Один. Отлил сколько надо, поспал немного – и в город. Потом и сам каким-то делом оказался в процессе нанесения рисунков на футболки – и покатило. С Рижского рынка ко мне очередь стояла. Мы с другом собрали станки для шелкографии и летом делали футболки, а зимой шапочки, которые делались попросту из рейтуз. Три шапочки одна повязка. «Щелчок» к тому времени уже утратил статус центра обмена информацией. Где-то не за горами фигурировали пейджеры, и уже кто-то слышал про мобильные...

А мы занимались совмещением отдыха с почти предпринимательской деятельностью, в рамках которой пригодились и опыт, и приобретенные навыки. Деятельность, несомненно, родилась из общих потребностей советских реалий и наших знаний об одежде, помноженных на чувство стиля. Заключалась эта деятельность в пошиве всевозможных кожаных, и не очень, изделий. Был, как я уже говорил, освоен шелкографский процесс, что приводило к длительным концептуальным дебатам по поводу того, что лучше: я сошью 50 курток и откатаю на них пено-резиной «Перестройка» или какой-нибудь Chicago Bulls. Или, например, кто-то сделает приличной краской многоцветную красоту на какой-то сложной модели, но одной. И как всегда и случалось, искусство в очередной раз пало жертвой предприимчивости (смеется). А если серьезно, то было организовано небольшое производство по пошиву качественной одежды, потому как тогда открылся печально знаменитый отечественный РЫНОК. Где легализовывались подпольные цеховые производства, годами томившиеся в советском подполье.

Я к тому времени переехал из Гольяново, и где-то в 90-х женился. Давно это было. Семья слегка остепенена, но я уверен, что характер бунтарский помог и в этих 90-х, где и базары стали посерьёзней, и ответственность резко возросла. Наезды бандитов во время распада страны, начало какого-то первобытного бизнеса стали повсеместными, и на это все ложились первые, порой наивно смешные авантюры. «Крыши» появлялись у всего, и так однажды мы узнали, что таковые имеются не только у Кобзона, но и у «спиваковцев», те, которые «Виртуозы Москвы». Причем связано это было с реализацией модных мужских полупальто фирмы «Амекс». В чем оказались замешаны и мы, отработав свой «концерт по заявкам трудящихся». Как это ни покажется сейчас странным, но в те времена подобное сосуществование было нормальным. Все занимались всем.

К следующему сезону мы уже смело шили свои куртки и пальтишки. Благо, брошенных или кооперативных ателье стало появляться много. Вскоре и знакомые подросли окончательно, обзавелись работами и семьями, и посещение новых тусовочных мест стало эпизодическим. Но мы все равно продолжаем поддерживать связи, потому что в душе уже ничего не изменишь, что, собственно, и незачем.

А по поводу сравнительных характеристик – что было и что стало теперь – мне лично кажется, что ничего не изменилось. Все говорят, что что-то там меняется, а я вот недавно в метро спустился и отметил – те же люди, те же лица. Молодежь во все времена будет одинаково молодой и отрывающейся во все стороны. Если бы я сейчас был такого же возраста, я так же катался бы на сноубордах и коньках, прыгал, бегал, ездил, в общем, жил бы на полную катушку. Конечно, им теперь посложней в бытовом плане, образование теперь необходимо, но возможности у них, по сравнению с нашими, несоизмеримы. Открылись границы, можно учить языки и ездить, появился интернет. Я таким стартовым возможностям откровенно завидую. У нас не было такой информации.

При этом люди всегда останутся людьми, а карьеристы – карьеристами. Просто у нас был объединительный мотив – запреты на рок, и кураж, и вольное поведение. А теперь – вроде все можно, и непонятно, что нужно.

Вета Померанцева

Фото 3. Ленинград, фото Петры Галл, 1989

В. П. Ленинград периода моего девичества, конечно же, в двух словах не опишешь, тем более что такие литературные попытки предпринимались неоднократно, но хотелось бы отметить, что круглая дата советской Олимпиады случилась в один и тот же год, что и мое 12-летие.

М. Б. Можно сказать, что в новое десятилетие вы вступили подготовленно, по взрослому (смеются).

В. П. Но еще учась в школе, я уже была осведомлена, что возле Исакиевского собора кучковалась разношерстная тусовка, состоявшая из остатков каких-то хиппи, гопников, фанатеющих Макаревичем. И панков, как мы их тогда обозначали, хотя по сути, это были какие-то битники. Достаточно взрослые персонажи, распевавшие песни: «Благословляю пивные клубы, благословляю гнилые зубы».

Но несмотря на разные предпочтения, все эти персоны достаточно мирно уживались вместе. Возле этого же собора, бывшего одной из визитных карточек ленинградского туризма, в это же время тусовалась, можно сказать, и «приличная молодежь». Я, ученица 7 класса, конечно же, не разбиралась во всех этих стилистических градациях, почему и придумала себе теорию о противоречиях. И вовсе не понимала, что со мной происходит (смеется). Мама у меня была директором отдела в книжной лавке, поэтому из всех увлечений, выпавших на долю многих подростков, оставались только хорошие книги и улица, поскольку остальное практически отсутствовало в советской действительности. Так что приходилось терзать себя европейской философией, Леонидом Андреевым, что в свою очередь заставляло как-то задумываться о смысле бытия и часами бродить по улицам. Делать во внешкольное время действительно было нечего, и поскольку я к тому времени уже была вполне оформившаяся девица, абсолютно не пуганная жизнью, закономерно становилась объектом пристального слежения со стороны мужчин. Как-то раз во время моего раздумчивого уличного тура ко мне налепилось порядка 14 парней, которые стали зазывать в какое-то полуразрушенное строение, благо таких в городе вполне хватало. И вот заманив меня, 13-ти летнюю дурочку, в эти развалины, поставили перед фактом: мол, давай раздевайся. Я, конечно же, впала в ступор, и если бы авторитетный, судя по всему, представитель этой тусовки меня не защитил, я даже не знаю, чем это все могло кончиться. На самом деле понятно чем, но так или иначе пронесло, и впоследствии мы с этим битником достаточно долго гуляли по центру, открывая для себя новые интересные места.

Другим центровым местом сборищ бездельников и тунейдцев был «Климат», располагающийся напротив Исакиевского собора, недалеко от станции метро Канал Грибоедова. Поэтому в ненастную погоду, коей славен наш город, вся тусовка перебиралась именно туда, а летом в жаркие деньки веселились на скамейках возле собора и на чердаке в доме за Казанским. При этом это было абсолютно праздное и бесцельное времяпрепровождение, ни к чему не обязывающее, но развивающее сознание и расширяющее кругозор. Тогда же появились бутылки вермута в «бомбах», которые были представлены двумя видами – «Верой Михайловной» и «Розой Матвеевной». «Вера Михайловна» еще как-то пыталась пропускать сквозь себя солнечный свет, но «Роза Матвеевна» – ни в какую. И даже считалось настоящим подростковым подвигом дотопить граненый стакан этого напитка до самого дна.

Поэтому пока страна ставила рекорды на международных олимпийских просторах, наша молодежь соревновалась в распитии вермута, гуляя по улицам и распевая песни асоциального характера. Конечно же, не все и не всегда. Но были и такие. И поскольку уличное публичное дефиле обязывало к поддержанию какого-то стиля, постепенно стал формироваться свой особенный внешний вид. Под рукой всегда были журналы мод 60-х, которые в обилии копились в нашем доме и очень мне нравились. Да и мама моя, будучи достаточно видной дамой, облаченная в леопардовое пальто, немалую часть своей жизни общалась в Летнем саду с бородатыми философствующими художниками из «Сайгона». Папа же был джазовым барабанщиком, поэтому база, необходимая для формирования вкусовых предпочтений, была и состоялась. Папа стойко придерживался своих джазовых предпочтений, хотя внешний стиль джазменов и стильных рокабиллов в советских реалиях 70-х приобрел какую-то общую усредненную форму. Но вот не воспринимал он моих рок-н-рольных пристрастий, хотя не сильно и препятствовал. В городе в этот период ничего особенного не происходило, но начиная с девя-

того класса начались мои первые прогулы школьных занятий, когда я в школьном переднике зачастую оказывалась в «Сайгоне». Все было удобно, так как находилось буквально под боком, и тусовочная деятельность перемежалась посещениями так называемого «комка» на Инженерном, где скапливались люди иного сорта, но обладавшие жизненно необходимой на тот период музыкальной и околomuзыкальной информацией, отличной от популярных в хипповской среде Beatles и Creedence, успевших порядком поднадоесть.

Меломания заполняла свободное время, развивая вкус, но выдавливая из повседневности другие увлечения. Так, в какой-то момент, увлечение новой музыкой окончательно перевесило увлечение фигурным катанием. Здесь стоит отметить, что до прослушивания первых панковских коллективов, порекомендованных товарищами, и прогулов школы мне неплохо удавалось кататься на коньках, и в итоге я докатилась до юношеской сборной Советского Союза. Конечно же, завелось огромное количество очень умных и при этом очень не по-советски циничных и веселых знакомых. Как, например, Владик Плисов, который уже давным-давно отошел в мир иной.

Конечно, все эти отражения себя и формирование собственного сознания сейчас уже наблюдаю с высоты прожитых лет. Уже на примере нового поколения тусовщиков. И иногда забавно осознавать, что первичным в коммуникациях такого рода, конечно же, был стилистически выраженный фасад, и умение живо и весело поддержать беседу на специализированные современные темы. Это было важно, потому как праздное времяпровождение формировало общие коллективные позиции и вкус. И посещая загородные дачи в Мартышкино, мы уже могли точно сказать, что в выборе между Sex Pistols или Ramones, который обсуждался на философском уровне, уже тогда безоговорочным чемпионом для нас стал Джонни Роттен и компания (смеются).

Собственно, Sex Pistols и пустил мою социальную программу под откос. При этом, если в плане общения меня поначалу не устраивали одноклассники и школьники, то с момента вовлечения в среду ленинградского андеграунда мнение о том, что обычное человеческое общение в официальной среде сводится к обсуждению животных инстинктов и бытовых катаклизмов, утвердилось окончательно.

Конечно же, уличная среда с ее забавным революционным позерством и обсуждением мировых артистических новаций была более предпочтительной, несмотря на разгульный образ жизни участников андеграундных течений и порой не очень презентабельный внешний вид.

Выбор пространства был определен, и каток стал несовместим с улицей и портвейном. Мы с мамой тогда проживали на Мойке, и бабушкам в нашем огромном дворе пришлось наблюдать все фазы этой социальной мутации. Когда я поначалу выглядела отличницей, но по прошествии некоторого времени в наш двор все чаще стали заглядывать необычайного внешнего вида и поведения люди (смеются).

Начались предъявления претензий от соседей, что вот до трех часов ночи горит свет, что иногда в квартире стоит какой-то подозрительный шум, или не менее подозрительная тишина. Я думаю, что у каждого в жизни есть что вспомнить про переходный период, но я, в частности, могу отметить, что к этому периоду я еще ни разу ни с кем не целовалась, потому как общение протекало на ином уровне. И это при всей моей нескромной репутации, сложившейся в школе и во дворе, и достаточно частые прогулы школы. И уже начавшиеся приводы в детскую комнату милиции, где скапливались и знакомились другие подобные беспокойные персонажи, которые фрондировали и эпатировали людей на улицах.

М. Б. Ну, это обычная ситуация, когда люди, в тайне мечтающие сбросить ярмо социальных приличий, из зависти начинают шушукаться за спиной маргиналов. Счастливые же люди вовсе вызывают непреодолимую злобу и раздражение. Я прекрасно помню, как будучи изъятым из социума за свои подростковые проделки, слушал лекции о правильном образе жизни от комсомольцев, которые, встречая не единожды меня потом где-нибудь в темном уголке,

начинали извиняться, что это у них такая работа. И что все было бы в порядке, если бы не факт, что таким как я можно все, а нормальным людям – не положено. И вот этой абстрактной «неположенностью» подобные персонажи оправдывали свои комплексы.

В. П. Так и у нас происходил постоянный отбор с улиц, за внешний вид и неадекватный, с точки зрения уставшей советской общественности, образ жизни. Все это только стимулировало эпатажное бунтарство, которое выражалось в высмеивании людей с серьезными лицами. В девятом классе, параллельно учебе в театральном училище, это вылилось в частые посещения только что открывшегося в Питере Рок-клуба и квартирных концертов «Кино». А к десятому классу пришло осознание, что, вне всякого сомнения, нужно приносить какую-то пользу окружающему миру. Я тогда взяла в прокате пишущую машинку и стала перепечатывать всяческую запретную литературу под копирку (смеются). Длилось это недолго и закончилось тем, что я помогала распечатывать тексты Алексу Оголтелому, царствие ему небесное, который к своим выступлениям и первым альбомам делал шикарные закольцовки из речей Брежнева.

М. Б. А остальные девушки-тусовщицы?

В. П. Помимо меня на тусовке было немало девушек. И из тех, чьи имена были постоянно на слуху, можно выделить жену Юры Оскала «Оскалеху» и «Никотиновну». Естественно, сразу на память приходит Наташа Уличная и Лена Лысая, «Щука» и Пудовочкина Наташа. Отдельной категорией женского наполнения тусовки являлись жены музыкантов, но сравнивать их с девушками, которые просто посещали тусовки, особого смысла не имеет. Поскольку тусовщицы это все-таки «эбанько на всю голову», забившие в каком-то смысле на перспективы семейного домостроительства в угоду острым ощущениям от личной тусовочной жизни. Многие из этой категории не выдерживали бешеного драйва событий и, не найдя баланса между оттяжкой и востребованностью, просто спивались или умирали от наркотиков. Чувство самосохранения было несколько притуплено, но это не означало, что девушки с тусовок были более доступны, чем девушки, надежно вписанные в социальные рамки. Скорее наоборот, так как понимание, что разгульный образ жизни может привести к утрате уважения со стороны соратников, всегда удерживало от необдуманных случайных связей. А уважение к личности все-таки было и мерой взаимоотношений. Как человек держался, так к нему и относились. В этом было отличие между системой хиппи, культивировавшей свободное сожительство с кучей параллельных официальным мужей. Все было по-другому. Но свобода в выборе личных предпочтений, не связанных общественной моралью, сохранялась. И это несмотря на безбашенность участниц событий. Редкие красавицы, облепленные кучей поклонников, вели себя подчеркнуто резко и иногда это отражалось в радикально вычурном и странном внешнем виде. Чтоб кто ни попадя не лез (смеются).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.